

Экономико-правовая природа санкций: степень их легальности и эффективности с точки зрения международного права

Родионова Елизавета Сергеевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
студент единого трека «магистратура — аспирантура» департамента правового регулирования бизнеса, учебный ассистент; e-mail: esrodionova_1@edu.hse.ru.
ORCID: 0009-0005-0677-5290.

Аннотация

С увеличением числа международно-правовых обязательств и отсутствием централизованного институционального правоприменения меры экономического давления приобрели все более широкое распространение в качестве инструмента обеспечения соблюдения норм международного права. Целью настоящей работы является исследование понятия «санкции / односторонние ограничительные меры» в рамках политико-правового и экономического анализа.

Ввиду отсутствия единого понимания природы односторонних ограничительных мер проанализированы и выделены основные признаки санкций, на основе которых сформулировано авторское определение, являющееся универсальным для большинства современных юрисдикций. Под санкциями понимаются экстерриториальные меры и/или ограничения в экономическом секторе, используемые государством-инициатором (или группой таких государств) в одностороннем порядке для целей политического принуждения государства-объекта.

В работе аргументирована необходимость четкого разделения многосторонних и односторонних санкций, последние из которых не обладают достаточной степенью легальности с точки зрения международного права. Предложено решение проблемы отсутствия установленного стандарта оценки эффективности экономических санкций путем четкого указания критериев и их фиксации в международной практике и нормативных документах. Сделан вывод о том, что использование термина «ограничительные экономические меры» вместо термина «санкции» является юридически более корректным. Отмечается необходимость унификации международно-правовых норм, регламентирующих порядок, возможность и последствия применения односторонних санкций.

Ключевые слова: санкции, односторонние ограничительные меры, права человека, международное право, суверенитет государства, принцип невмешательства, ст. 41 Устава ООН, международная ответственность, «умная» сила.

Economic and Legal Nature of Sanctions: Degree of Their Legality and Efficiency In Terms of International Law

Rodionova Elizaveta Sergeevna, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)
student of the single track Master's Degree — Postgraduate Program of the Department of Legal Regulation of Business, study assistant; e-mail: esrodionova_1@edu.hse.ru.
ORCID: 0009-0005-0677-5290.

Abstract

With the increase in the number of international legal obligations and the absence of centralized institutional enforcement, economic coercion has become increasingly widespread as a tool for ensuring compliance with international law. The purpose of this work is to study the concept of “sanctions / unilateral restrictive measures” in the framework of the political, legal and economic analysis.

Due to the lack of a common understanding of the nature of unilateral restrictive measures, the author analyzes and highlights the main features of sanctions. Based on the features identified, the author formulated a definition that is universal for most modern jurisdictions. Sanctions are understood as extraterritorial measures and/or restrictions in the economic sector used by the initiating state (or a group of such states) unilaterally for the purpose of political coercion of the target state.

The paper argues for the need for a clear separation of multilateral and unilateral sanctions, the latter of which do not have a sufficient degree of legality in terms of international law. A solution to the problem of the lack of an established standard for assessing the effectiveness of economic sanctions is also proposed by clearly specifying the criteria and fixing them in international practice and regulatory documents. It is concluded that the use of the term "restrictive economic measures" instead of the term "sanctions" is legally more correct. The necessity of unification of international legal norms regulating the procedure, possibility and consequences of the application of unilateral sanctions is pointed out.

Keywords: sanctions, unilateral restrictive measures, human rights, international law, state sovereignty, principle of non-interference, Art. 41 of the UN Charter, international responsibility, "smart" power.

*Benignius leges interpretandae sunt,
quo voluntas earum conservetur.*
Celsus¹

Сегодня одной из ключевых проблем для международных отношений является одностороннее применение мер экономического принуждения (санкций) для достижения государствами-инициаторами внешнеполитических задач, а также анализ последствий такого применения для государства — объекта санкций². С точки зрения права институт санкций хоть и не является новым в теоретическом отношении, однако все еще представляет огромный интерес для юридической практики. Анализ судебной практики и быстро изменяющейся политической и социально-экономической ситуации в мире служит явным доказательством того, что в рамках трансформации социальных институтов и социальных агентов право должно гибко реагировать на изменения в обществе. Исследование экономико-правовой природы санкций сегодня актуально как никогда ранее, так как концепция применения мер санкционного воздействия является уникальным институтом. Институт санкций — один из наиболее дискуссионных механизмов транснациональных ограничений в первую очередь потому, что вопрос о легальности и экономической эффективности санкций остается открытым. Целью работы является исследование степени легальности³ и эффективности экономических санкций, их природы в рамках политико-правового и экономического анализа, а также решение проблемы использования корректной юридической терминологии в международном праве.

Степень легальности санкций в мировой практике

Политический выбор между экономическими санкциями и военным принуждением пересекает разрыв в теории международных отношений между либеральным институционализмом и реализмом. В то время как либералы рассматривают коллективные и экономические институты в качестве важнейших инструментов международной политики, реалисты фокусируют внимание на эффективности индивидуальных действий международных акторов. В международной политике санкции являются типичным и наиболее ярким инструментом «умной» силы. Концепция соотношения «жесткой», «мягкой» и «умной» сил зародилась в конце 1980-х гг., когда широкое распространение получила идея о том, что международные отношения переживают коренные изменения.

Во-первых, крах биполярной системы мира породил убеждения в том, что борьба за власть между гегемонами постепенно утрачивает свою актуальность, а военная сила, наряду с появлением других ее «видов», теряет свою эффективность, становясь все менее привлекательной для открытого применения. Во-вторых, распад СССР создал предпосылки для развития концепции «конца истории»⁴, знаменующей собой новую эру — эру мира и сотрудничества между государствами под флагом западных идеалов и либеральных ценностей. Кроме того, увеличение конфликтов,

¹ «Более благоприятно законы будут истолкованы теми, кто сохраняет их волю» (Цельс).

² В настоящей работе автор использует терминологию, устоявшуюся в мировой политике. Под государствами — инициаторами санкций понимаются те государства, которые принимают санкционные пакеты для достижения политических целей, а под государствами-объектами, соответственно, государства, на которые направлено экономическое давление в форме санкций.

³ Понятия «легальности» и «легитимности» зачастую используются при характеристике инструментов публичной власти, к которым в том числе можно отнести экономические санкции. М. Вебер, определяя соотношение понятий «легальность» и «легитимность», справедливо указывал, что в понятие «легитимность» входит не только законность с точки зрения позитивистского или естественного понимания (то есть «легальность»), но и иные политические и социально-психологические аспекты. Иными словами, в рамках политико-правового анализа понятие «легитимность» а priori шире понятия «легальность» и включает в себе большее количество политических элементов. В настоящей работе оценка экономических санкций будет дана с позиций легальности.

⁴ Фукуяма Ф. Конец истории? Вопросы философии, 1990. № 3. С. 116.

основными участниками которых являлись негосударственные акторы, создало ошибочное мнение о том, что традиционные затяжные и крупномасштабные военные конфликты канули в лету. В-третьих, окончание Холодной войны ознаменовало собой новую тенденцию увеличения взаимозависимости между внешней и внутренней политикой, что вновь было воспринято как шаг к нивелированию различий между ними. Так, стирание граней между внутренней и внешней политикой, крах биполярной системы мира стали предпосылками для формирования новой концепции силы, разработанной американским ученым Дж. Наем — младшим⁵.

Фактически с легкой руки Дж. Наея теория международных отношений обрела новые виды силы: «мягкую», традиционную «жесткую» и сочетающую в себе черты обеих — «умную». «Мягкая сила» — способность государства добиваться желаемой цели путем добровольного участия, а не принуждения; «жесткая сила» — способность государства к принуждению и навязыванию своей позиции с помощью военных и жестких экономических инструментов. Заметим, что «мягкая сила» изначально была введена Дж. Наем для анализа недостатков американской политики на исходе Холодной войны. США, располагающие мощными военными и экономическими ресурсами, действовали слишком прямолинейно, когда на самом деле большинство издержек использования традиционной силы можно было избежать. Переосмысление понятия силы в международной политике и, как следствие, увеличение интереса к теоретическому анализу понятия «умной силы» и ее ключевой составляющей (односторонним санкциям) способствовали формированию понимания более или менее стройной политико-правовой природы санкций.

Основным признаком современных санкций в рамках политико-правового аспекта является наличие четкой политической цели, которая определяет характер нормативной базы, необходимой для введения санкционных режимов. Очевидно, что в каждом конкретном случае цели введения санкций определяются *ad hoc*, однако анализ санкционных пакетов, введенных за последние 50 лет, позволяет сгруппировать такие цели по трем основным группам. Во-первых, распространённой предпосылкой применения экономических санкций является смена политического режима или дестабилизация политической и идеологической систем, и, как следствие, правового режима государства-объекта санкций. Во времена Холодной войны СССР и США не раз прибегали к таким санкциям, стремясь «наказать» бывших союзников, переметнувшихся в капиталистический или социалистический лагерь. Во-вторых, государство-инициатор может стремиться к ограничению экономического (и, как следствие, военного) потенциала оппонента. Классическим для этой цели является ограничение на поставку информационных и военных технологий, а также материалов, необходимых для их производства (санкции США против КНР зачастую преследуют именно эту цель). В-третьих, целью введения санкций может являться показательное предостережение государства-объекта государством-инициатором от совершения или продолжения первым каких-либо шагов и действий, то есть своего рода политический сигнал-предупреждение. Такого рода санкции были введены после вторжения Ирака в Кувейт, а также в отношении России в ходе эскалации конфликта с Украиной.

С точки зрения права, институт санкций хоть и не является новым в практическом отношении, однако все еще представляет интерес для юридического анализа, так как одним из важнейших признаков экономических санкций является их постоянная трансформация и эволюция. Ключевым вопросом для международного права сегодня остается вопрос о правомерности и допустимости применения таких односторонних экономических мер. Еще в XVII в. голландский юрист, основоположник международного права Г. Гроций, впервые в юридической науке приблизился к теоретическому обоснованию санкций как исключительных мер, применяемых крупными державами в отношении других государств, правительств и/или союзов государств, а также их лиц, имеющих тесные связи с последними и способных оказывать существенное влияние на развитие такого государства⁶.

Дискуссионной проблемой остается вопрос о легальности санкций с точки зрения международного права. В настоящий момент по этому вопросу существуют две противоположные точки зрения. Некоторые исследователи отмечают, что природа санкций в целом встраивается в механизмы функционирования международного права, а потому они являются законным инструментом. Санкции — эффективный институт международного права, поскольку они представляют собой удачную альтернативу применению военной силы с точки зрения морально-этических соображений и их «дешевизны» для государства-инициатора. В этой связи те санкции, которые были одобрены ООН, представляют собой идеал, будучи полностью легальными, ибо их применение санкционировано коллективной волей государств. Однако это не умаляет значение односторонних санкций, применение которых особенно важно в тех случаях, когда необходимо оперативное вмешательство. Легальность как многосторонних, так и односторонних санкций может быть основана на защите национальных интересов, а также апеллировать к идеологическим установкам государства. Таким образом, с точки зрения одного из научных подходов санкции являются наиболее эффективным легальным инструментом реагирования на кризисные ситуации.

Иная позиция предполагает необходимость четкого разделения многосторонних и односторонних санкций, последние из которых не обладают достаточной степенью легальности. Последовательную критику односторонних экономических санкций проводит специальный докладчик ООН И. Джазири⁷, отмечая их негативное влияние на

⁵ Най Дж. Мягкая сила и американо-европейские отношения [Электронный ресурс]. Smart Power Journal, 2004. URL: <http://smartpowerjournal.ru/soft-power/> (дата обращения: 10.07.2023).

⁶ Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. С. 254.

⁷ Идрис Джазири — специальный докладчик ООН, с 2015 г. курирующий вопросы влияния санкций на права частных лиц.

соблюдение прав человека. В своих докладах он отмечает, что легальными можно назвать только те меры, которые основаны на ст. 41 Устава ООН, односторонние же санкции лишены признака легальности, поскольку, во-первых, они напрямую посягают на суверенитет и наносят ущерб гражданскому населению государств-объектов санкций, а во-вторых, через механизмы вторичных санкций затрагивают интересы третьих государств и их гражданского населения. Главной претензией И. Джазири к односторонним санкциям является то, что они в первую очередь наносят ущерб незащищенным слоям населения, а также малому и среднему предпринимательству. При этом те ограничения, которые вводятся в отношении определенного экономического сектора, зачастую не приносят никаких политических результатов. Для целей применения санкций основным мерилom должна быть защита прав и свобод человека. Вместе с тем в последнее время среди развитых стран наблюдается следующая тенденция: государства-инициаторы сочетают применение односторонних и многосторонних ограничительных мер⁸. М. Бржоска отмечает, что сегодня страны действуют согласно следующему алгоритму: сначала вводятся односторонние санкции, а потом путем подготовки и внесения соответствующих резолюций в ООН осуществляется попытка придания им большей легальности⁹.

В условиях усиления интеграционных процессов экономические санкции являются аномалией, так как противоречат логике свободной торговли. Международное сообщество в целом считает односторонние экономические санкции действующими вне рамок, разрешенных международным публичным правом. Например, в Резолюции ООН 2021 г.¹⁰, осуждающей санкции США в отношении Кубы, которые действуют с 1962 г., 184 государства (большинство) проголосовали за резолюцию, и только два государства проголосовали против нее (США и Израиль). В резолюции отмечается, что введение мер экономического принуждения нарушает международные обязательства государства по Уставу ООН. Это связано с тем, что ст. 2 (3) Устава ООН налагает на государства-члены обязательство разрешать свои споры мирным путем. Санкции, которые, как правило, вводятся всеобъемлющим образом, не способствуют мирному урегулированию споров. Например, санкции, введенные США против Ирана для противодействия его ядерной программе, не привели к существенному изменению иранской политики, а также не способствовали мирному разрешению американо-иранского конфликта.

Кроме того, экономические санкции, носящие экстерриториальный характер, нарушают ст. 2 (7) Устава ООН, которая запрещает вмешательство во внутренние дела государства. Порог вмешательства не соблюдается, когда одно государство заставляет другое «изменить свою политику не путем влияния или убеждения, а путем угроз или навязывания негативных последствий»¹¹. Экономически сильные государства заставляют относительно слабые экономики прекратить взаимодействие с государством-объектом санкций, тем самым влияя на их внешнюю и торговую политику, которая является исключительной суверенной областью государства, где никакое внешнее вмешательство не должно допускаться. Отметим, что право государств сохранять нейтралитет защищено принципом невмешательства во внутренние дела суверенных государств. Согласно Декларации дружественных отношений Генеральной Ассамблеи ООН 1970 г. (которая признана отражением общего принципа международного права) «ни одно государство не может использовать или поощрять использование экономических, политических или любых других мер для принуждения другого государства и получения от него подчинения в своих интересах или обеспечения каких-либо преимуществ»¹².

Вместе с тем двойственность характера применения или неприменения экономических санкций имеет огромное значение для частных лиц: во-первых, на этапе планирования сделки, когда стороны намереваются предотвратить применение санкций к своим правоотношениям или привести сделку в соответствие, и позднее в случае юридического спора. Как справедливо указывает Т. Сабадош, на обоих этапах невозможно переоценить значение для сторон предсказуемости применения или неприменения к их отношениям последствий санкционного воздействия¹³. Однако на практике вопрос о возможности применения санкций зачастую сводится к политической аргументации, что не является справедливым, поскольку право, особенно международное право, по своей природе должно быть аполитичным, то есть «чистым», лишенным элементов идеологии, политики, религии и культуры¹⁴.

Понятие санкций в международном праве

Экономические санкции определяются в юридической науке и практике различным образом. Это является следствием того, что понятию «экономические санкции» соответствуют различные дефиниции. С точки зрения

⁸ Еремينا А. Е. Экономические санкции: понятие, типология, особенности. Постсоветский материк, 2019. № 4. С. 89.

⁹ Brzoska M. International Sanctions Before and Beyond UN Sanctions. International Affairs, 2015. Vol. 91. No. 6. P. 1344.

¹⁰ Резолюция ООН № A/75/L.97. 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/N21/146/94/PDF/N2114694.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.07.2023).

¹¹ Tladi D. An Assessment of the Fundamental Principles of International Law. Vinuales J. E. (ed) The UN Friendly Relations Declaration at 50. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 90.

¹² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 10.04.2023).

¹³ Szabados T. Economic Sanctions in EU Private International Law. Oxford: Hart Publishing, 2019. P. 3.

¹⁴ См. подробнее: Кельзен Г. Чистое учение о праве: Сб. переводов. М.: ИНИОН РАН, 1988. С. 78.

международного публичного права для анализа данного института необходимо прежде всего ориентироваться на практику ООН: согласно ст. 41 Устава ООН санкциями признаются «меры, не связанные с использованием вооруженных сил, включающие полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио- или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений»¹⁵.

Изучая правовую природу санкций, как справедливо отмечают С. В. Бахин и И. Ю. Еременко, необходимо помнить, что истоки формирования санкционных отношений в международном праве кроются в его базовом принципе — принципе ответственности¹⁶. Международно-правовая ответственность — обязанность государства претерпевать негативные последствия за нарушение взятых на себя международных обязательств (чаще всего в виде возмещения ущерба и подчинения «сдерживающим механизмам», необходимым для предотвращения иных правонарушений). Международно-правовая ответственность, будучи одним из основных гарантов международных отношений, не лишена ряда проблем, одной из которых является ее реализация. В настоящий момент до сих пор не существует централизованного и единого механизма принуждения¹⁷, что прямо следует из принципа суверенного равенства государств (*par in parem non habet imperium et jurisdictionem*).

Тем не менее принуждение к несению ответственности за нарушение взятых на себя международных обязательств является необходимым элементом функционирования международного права. На потребность в существовании эффективных механизмов принуждения в свое время указывал Л. Х. Мингазов¹⁸. Он полагал, что основанием для применения мер принуждения должен служить не сам факт совершения принуждения, а отказ международных акторов от выполнения взятых на себя обязательств и соблюдения международных принципов¹⁹. Именно поэтому с развитием международной политики и понадобилась разработка эффективных юридических и экономических механизмов принуждения, одним из которых и стали санкции.

В настоящий момент консенсуса по вопросу дефиниции понятия «санкции»²⁰, а также их ключевых признаков в международном научном сообществе так и не достигнуто: одни понимают санкции в качестве односторонних принудительных мер, другие как особую форму ответственности частных лиц перед международным сообществом, третьи утверждают синтез первого и второго²¹. Г. Вебер и П. Гуггенхайм, классики международного права, еще в эпоху Нового времени писали о том, что понятие «санкции» включает в себя любые принудительные меры, накладываемые в качестве инструмента правового реагирования на нарушения основных принципов международного права²². Схожей позиции придерживался и В. И. Менжинский, указывая, что «санкциями являются последствия, наступающие в случае нарушения международного правопорядка»²³. В свою очередь Г. И. Тункин трактовал термин «санкции» очень широко, понимая под ними все неблагоприятные последствия международных правонарушений — от возмещения ущерба до мер военного принуждения²⁴.

В советской доктрине международного права второй половины XX в. было принято разделение санкций на две группы: 1) санкции, налагаемые международными организациями; 2) санкции, иницируемые государством индивидуально или группой государств для целей защиты своих интересов. М. В. Кешнер, однако, отрицает, что санкции являются мерами, применяемыми исключительно государствами, при этом наряду с В. А. Василенко подчеркивает значимость одного из ключевых признаков понятия — принудительность таких мер²⁵. Вместе с тем наиболее точной нам кажется позиция М. М. Богуславского, который утверждает, что в международном праве под санкциями зачастую понимались индивидуальные принудительные меры государств-инициаторов, накладываемые ими в ответ на совершение иным государством каких-либо правонарушений, затрагивающих его законные интересы. Однако такое понимание, по мнению М. М. Богуславского, в корне не верно, разумнее было бы именовать указанные меры встречными, а под санкциями понимать исключительно те действия, которые попадают по действие ст. 41 Устава ООН²⁶. В связи с этим интересна позиция В. М. Шумилова, который отмечает, что в случае, если международное

¹⁵ Устав ООН 1945 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/uncharter/full-text> (дата обращения: 10.07.2023).

¹⁶ Бахин С. В., Еременко И. Ю. Односторонние экономические «санкции» и международное право. Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

¹⁷ Лукашук И. И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 172.

¹⁸ Мингазов Л. Х. Эффективность норм международного права: теоретические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2000. С. 32.

¹⁹ Там же.

²⁰ Здесь и далее понятие «санкции» и односторонние «экономические ограничения (меры)» используются в качестве синонимов. Кроме того, говоря о санкциях, мы не включаем в это определение режимы экспортно-импортного контроля и торговые барьеры, так как эти ограничения действуют на постоянной основе вне зависимости от конъюнктуры международных отношений с целью защиты или стимулирования национального рынка.

²¹ Kunz J. L. Sanctions in international law. The American journal of international law. 1960. Vol. 54. No. 2. P. 328.

²² Кешнер М. В. Экономические санкции в современном международном праве: монография. М.: Проспект, 2014. С. 23.

²³ Менжинский В. И. Проблема международной ответственности (в свете советской концепции международного права): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951. С. 5.

²⁴ Тункин Г. И. Теория международного права. Под общ. ред.: Л. Н. Шестакова. М., 2000. С. 131.

²⁵ Василенко В. А. Международно-правовые санкции. Киев: Вища школа, 1982. С. 40.

²⁶ Богуславский М. М. Международное экономическое право. М.: Международные отношения, 1986. С. 246.

сообщество не в силах самостоятельно бороться с последствиями международных правонарушений, у государства есть возможность в одностороннем порядке применить контрмеры или меры вторичной ответственности²⁷.

В настоящее время как в научной доктрине, так и в юридической практике односторонние экономические меры и ограничения зачастую именуется санкциями, что в корне неверно. Справедливо замечание С. В. Бахина и И. Ю. Еременко о том, что в определенный момент в международной практике произошел «терминологический сбой»²⁸. С начала Холодной войны и до начала 1980-х гг. в западной международно-правовой доктрине односторонние экономические меры зачастую именовались «экономическим принуждением» (economic coercion) и лишь затем в международной практике устоялся термин «санкции»²⁹. Е. Т. Усенко и В. А. Василенко еще в 1980-х гг. писали о том, что терминологическая путаница возникла в 1980 г. после введения США в отношении СССР торговых ограничений, мотивированных военным присутствием СССР в Афганистане.

Благодаря широкому освещению этого события в СМИ, где в основном меры США именовались «санкциями», настоящий термин укоренился в международной практике. Действительно, в американской правовой системе под «санкциями» сегодня понимается совокупность принудительных экономических мер, предпринимаемых США во внешнеполитических целях и в интересах сохранения национальной безопасности³⁰. Такое понимание, однако, критикуется международным сообществом. В частности, И. Джазири указывает, что термин «санкции», используемый в нормативных документах США, не отражает в полной мере правовую природу указанных мер, так как не учитывает два существенных признака — их индивидуальный и односторонний характер.

Таким образом, использование термина «односторонние экономические меры» вместо термина «санкции» является юридически более корректным. В связи с этим справедливо замечание Дж. Максейнера, полагающего, что «отождествление различных правовых инструментов посредством их обозначения одним понятием не способствует правовой определенности, которая является необходимой базой для соблюдения принципа верховенства права»³¹.

Для целей анализа института с точки зрения международного права предлагаем следующее авторское определение: «санкции/экономические санкции» подразумевают под собой экстерриториальные меры и/или ограничения в экономическом секторе, инициированные в одностороннем порядке одним государством-инициатором или группой государств для ослабления другого государства-объекта и его частных лиц, с целью политического принуждения последнего. Таким образом, полагаем, что среди основных признаков экономических односторонних санкций можно выделить следующие: 1) наличие политической цели; 2) транснациональный характер действия; 3) влияние преимущественно на экономический сектор, а также частных лиц; 4) наличие системы ограничительных мер; 5) отсутствие международно признанного источника легальности (например, соответствующей Декларации ООН); 6) принудительный характер действия.

Вместе с тем в связи с увеличением роли санкций в международном праве можно с высокой долей уверенности говорить о том, что на сегодняшний день в достаточной степени сформирована отдельная подотрасль — санкционное право³². Правовые основы санкционных отношений необходимы для сохранения баланса прав и интересов участников, имеющих как прямое (государство-инициатор и государство-объект), так и косвенное (частные лица в государствах-инициаторах и государствах-объектах) отношение к санкционному процессу. Иными словами, санкционное право включает в себя механизмы, целью которых является полное нивелирование или же минимизация отрицательных эффектов введения экономических санкций. Санкционное право — это система норм, регулирующих отношения, связанные с основанием и последствием введения ограничительных мер (санкций) для иностранных государств, граждан и/или юридических лиц, а также соответствующих ответных мер (контрсанкций). Предметом санкционного права являются санкционные отношения, то есть группа отношений, касающихся введения и исполнения, а также отмены и преодоления санкционных и контрсанкционных ограничений.

Минюа вопросы легальности и эффективности санкций в этой части работы, необходимо указать на наличие двух взаимосвязанных фактов. Во-первых, сегодня наличие широкого спектра распространения односторонних экономических санкций и контрсанкций в международной практике — объективная реальность. Во-вторых, санкционные ограничения нарушают права и интересы частных лиц, ограничивая их гражданские и конституционные права. В частности, большинство санкционных ограничений противоречат принципам равенства прав и свобод человека, ограничивают право на свободу передвижения, слова и мысли, а также нарушают свободу предпринимательства.

²⁷ Шумилов В. М. Международное экономическое право: учебно-методическое пособие. М., 1999. С. 181.

²⁸ Бахин С. В., Еременко И. Ю. Указ соч. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

²⁹ См., например: McDougal M. S., Feliciano F. P. International Coercion and World Public Order. Yale Law Journal, 1958. Vol. 67. No. 5. Pp. 771–846.

³⁰ Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information/countering-americas-adversaries-through-sanctions-act-related-sanctions> (дата обращения: 10.07.2023); North Korea Sanctions and Policy Enhancement Act, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/757> (дата обращения: 10.07.2023).

³¹ Maxeiner J. R. Some realism about legal certainty in globalization of the rule of law. Houston Journal of International Law, 2008. Vol. 31. No. 1. P. 34.

³² Шахназаров Б. А. Санкционное право: понятие, предмет, метод, нормативный состав. Актуальные проблемы российского права, 2022. № 7. С. 144.

Таким образом, с нашей точки зрения, наличие двух указанных фактов в мировой практике — это сигнал о необходимости разработки международных механизмов и документов, четко регламентирующих правила экономического принуждения, которое должно основываться на соблюдении прав и интересов частных лиц.

Отметим, что еще в 1964 г. были предприняты первые шаги для решения вопроса унификации мер экономического принуждения: ООН инициировала проведение конференции по вопросам торговли и развития, в рамках которой был принят документ, определяющий общие принципы международных торговых отношений и торговой политики³³. Как отмечает С. В. Бахин, «общий принцип № 8, зафиксированный в настоящем документе, уточнил действие принципов суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела применительно к сфере торговых отношений»³⁴. В документе было указано, что, во-первых, «международная торговля должна быть взаимовыгодной и проводиться на основе режима наибольшего благоприятствования», а во-вторых, «в рамках такой торговли не должны предприниматься действия, наносящие ущерб или ограничивающие торговые интересы других государств»³⁵.

Почти через 20 лет после нивелирования значения политических рычагов давления и усиления роли экономического принуждения в мировой политике вопрос о легальности использования односторонних мер экономического принуждения вновь приобрел остроту. Это стало одной из предпосылок принятия в 1983 г. ЮНКТАД Резолюции «Об отказе от принудительных экономических мер», запрещающей применение односторонних санкций³⁶. В частности, в документе указано, что «все развитые страны должны воздерживаться от применения торговых ограничений, блокад, эмбарго и других экономических санкций, несовместимых с положениями Устава ООН, а также в нарушение обязательств, взятых на многосторонней основе, в отношении развивающихся стран в качестве одной из форм политического принуждения, которая затрагивает их экономическое, политическое и социальное развитие».

Параллельно односторонние санкции стали предметом специального рассмотрения в рамках ГАТТ. В 1982 г. на одной из сессий ГАТТ была принята декларация, осуждающая применение санкций по причинам их неэкономического характера, не согласующимся с Генеральным соглашением о тарифах и торговле 1947 г.³⁷ Однако уже в 1994 г. в рамках нового пакета соглашений ВТО односторонние санкции де-юре были легализованы. В частности, в ст. XXI ГАТТ 1994 г. указано, что государства-участники имеют право предпринимать такие экономические меры, которые они считают необходимыми для защиты интересов своей безопасности³⁸.

Таким образом, вышеуказанные обстоятельства прямо свидетельствуют о необходимости комплексного сравнительно-правового анализа доктрины санкционного воздействия в российском и зарубежных правовых системах, а также о необходимости разработки универсальных международно-правовых механизмов регулирования санкционной политики в международном праве. Вопрос выбора наиболее эффективной модели антисанкционного регулирования все еще остается открытым для международной частноправовой практики. В последние десятилетия в мировой практике наблюдаются несколько противоположных по своей сути тенденций: с одной стороны, происходит дифференциация юридических способов защиты от санкционного воздействия, появления новых уникальных и эффективных схем, а с другой — унификация в области санкционного правового регулирования, выражающаяся в принятии или реформировании национального и регионального законодательства.

Классификация санкций и степень их эффективности

Сегодня наиболее известными являются следующие виды санкций: 1) персональные санкции, подразумевающие под собой запрет на любые контакты и имущественные отношения с подсанкционными лицами (один из наиболее жестких видов санкций); 2) секторальные санкции, целью которых является ограничение наиболее важных экономических сфер или секторов (чаще всего имеют комплексный характер); 3) торговые или финансовые ограничения, направленные на запрет экспортных и/или импортных операций, а также резервирование и «заморозку» активов подсанкционных лиц или государств (наиболее широко применяемый вид санкций)³⁹.

Интересной представляется классификация, предложенная в 2016 г. американским ученым Т. Бирстеком, который выделяет следующие виды санкций⁴⁰:

³³ Proceedings of the United Nations Conference on Trade and Development. Vol. 1. Final act and Report. New York, 1964 [Electronic resource]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/econf46d141vol1_en.pdf (date of access: 10.05.2023).

³⁴ Бахин С. В., Еременко И. Ю. Указ соч. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ Proceedings of the United Nations Conference on Trade and Development. Vol. 1. Final act and Report. New York, 1964 [Electronic resource]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/econf46d141vol1_en.pdf (date of access: 10.05.2023).

³⁶ Резолюция ЮНКТАД, 1983 г. [Электронный ресурс]. URL: https://digitallibrary.un.org/record/71064/files/A_39_415-RU.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

³⁷ Ministerial Declaration adopted on 29.11.1982 № L/5424 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/gatt_docs/English/SULPDF/91000208.pdf (дата обращения: 10.07.2023).

³⁸ General Agreement on Tariffs and Trade on 30.10.1947. UN Treaty Series. Vol. 55. P. 187–317.

³⁹ Дораев М. Г. Экономические санкции в праве США, Европейского союза и России. М.: Инфотропик Медиа, 2016. С. 41.

⁴⁰ Biersteker T. Thinking about United Nations Targeted Sanctions / Biersteker T., Eckert S., Tourinho M. (eds.). Targeted Sanctions: The Impacts and Effectiveness of United Nations Action. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 27.

1. Комплексные экономические меры. К ним, например, относятся, всеобъемлющее торговое эмбарго, встречающееся в мировой практике крайне редко.
2. Относительно недискриминационные меры. Санкции, которые затрагивают основные сектора экономики (например, нефтяной сектор для России).
3. Умеренно дискриминационные меры. Такие ограничения обычно направлены либо на ключевые экспортные товары (например, отказ ЕС от российского угля в августе 2022 г.), либо на несколько крупных компаний, которые имеют решающее значение для экономики государства (например, антироссийские санкции, введенные в отношении групп компаний, подконтрольных ПАО «Сбербанк» и ПАО «Газпром» в 2014 г.).
4. Относительно дискриминационные меры. Настоящие санкции имеют своей целью нанести ущерб конкретным секторам государственных или неправительственных организаций (например, европейское эмбарго на поставки оружия и ограничения на торговлю предметами роскоши для России, а также отказ Австралии от поставок урана во Францию с 1983 по 1986 гг. из-за нежелания последней прекратить испытания ядерного оружия в южной части Тихого океана).
5. Исключительно целенаправленные меры. Такие ограничения затрагивают интересы частных лиц, так как направлены против физических и юридических лиц (классическим примером таких санкций является замораживание активов российских граждан и компаний в европейских государствах с 2014 г. или ограничения на въезд, введенные ЕС в отношении группы российских граждан).

Д. Болдуин, анализируя научную литературу по вопросу эффективности применения санкций, утверждает, что теоретически можно выделить три основания «оправдания» применения экономических санкций: когнитивное, выразительное и инструментальное⁴¹. Когнитивное объяснение основывается на идее о том, что санкции в большинстве случаев не приносят положительных результатов, а следовательно, их применение, по всей видимости, проистекает из политического невежества и неспособности корректно просчитать последствия применения санкций. Суть выразительного объяснения заключается в том, что экономические санкции выступают самоцелью, то есть используются для снятия внутренней напряженности государства, которое их применяет. Инструментальный подход фокусируется, прежде всего, на оценке желаемых экономических эффектов принуждения, предполагая, что введение санкций является наиболее эффективным альтернативным инструментом политического или военного принуждения. Д. Болдуин убежден в точности инструментального подхода, поскольку именно он позволяет оценить санкции в качестве наиболее недорогого и эффективного из альтернативных политических инструментов международных акторов. Полагаем, что актуальную сегодня проблему отсутствия установленного стандарта оценки эффективности экономических санкций можно решить путем четкого указания критериев и их фиксации в международной практике и нормативных документах.

И. Галтунг в 1960-х гг. утверждал, что характер санкций и потенциальная степень их эффективности во многом определяют будущие возможности для их «деактивации»⁴². Он полагает, что глобально государство-объект может выбрать две стратегии: адаптировать либо реструктурировать свою экономику, создавая при этом качественно новую нормативную базу, либо прибегнуть к нелегальным методам, например, к контрабанде или теневым рынкам. М. Докси в свою очередь указывает, что стратегий можно выделить три: 1) уклонение от санкций; 2) предварительные действия (накопление запасов, налаживание альтернативных источников поставок и т. п.); 3) защита национальной экономики от санкционного воздействия *post factum* (чаще всего в виде принятия контрмер)⁴³.

С точки зрения институционального экономического анализа санкции можно разделить на две группы: торговые и финансовые. Суть торговых санкций обычно заключается в ограничении или полном нивелировании торговых операций с государством-объектом санкций. Классическим примером таких мер является эмбарго. Так, в условиях международного разделения труда запрет экспорта нацелен на сокращение объема валютной выручки государства-объекта санкций, что в итоге минимизирует возможность закупки необходимых товаров и услуг для национальной экономики. Формула торговых санкций выглядит следующим образом: чем больший вес имеет в мировой экономике государство-инициатор санкций, тем более высокий эффект и ущерб несет государство-объект. Однако эти издержки можно сократить в тех случаях, когда национальная экономика ориентирована на внутренний рынок. Ключевой проблемой торговых санкций является возможность их быстрого и легкого обхода с поправкой на увеличение посреднических рисков (параллельный импорт), связанных с повышением цен на ввозимые товары.

В этой связи серьезным преимуществом финансовых санкций является механизм более быстрого введения, а также минимальное количество рисков их обхода. Классическим примером финансовых санкций являются следующие меры: задержка и/или отмена кредитов для крупных корпораций, запрет финансирования бизнес-проектов, временная заморозка или конфискация активов. На практике финансовые санкции существенным образом влияют на инвестиционный климат, так как зачастую инвесторы из третьих стран, выбирая рынок для вложений, опасаются реакции государства-инициатора и предпочитают не вкладывать свои средства в экономику государства-объекта.

⁴¹ Baldwin D. A. Prologomena to Thinking about Economic Sanctions and Free Trade. *Chicago Journal of International Law*, 2003. Vol. 4. No. 2. P. 271–275.

⁴² Galtung J. On the Effects of International Economic Sanctions. *World Politics*. 1967. Vol. 19. No. 3. P. 388.

⁴³ Doxey M. *Economic Sanctions and International Enforcement*. N. Y.: Macmillan Press, 1980. P. 10.

Кроме того, ответить на финансовые санкции симметрично гораздо сложнее и экономически затратнее. Таким образом, финансовые санкции в сравнении с торговыми на практике оказываются куда более болезненными.

Наиболее масштабно проблематика экономических санкций была освещена Г. Хафбауэром в работе «Новый анализ экономических санкций»⁴⁴. Он определил санкции как «преднамеренные, вызванные действиями правительства меры по прекращению (или угрозе прекращения) традиционных торговых или финансовых отношений с политическими целями». Г. Хафбауэр в своем исследовании разделил все вводимые санкционные пакеты на две большие группы: успешные (эффективные) и неуспешные (нерезультативные), при этом указав, что в среднем санкции достигают успеха в трети случаев. Интересной закономерностью является и то обстоятельство, что наибольший масштаб и эффективность получают санкционные пакеты, которые вводятся в отношении дружественных или нейтральных государств, а наименьший — в отношении враждебных.

Еще одной любопытной классификацией санкций является классификация, разработанная критиком идей Г. Хафбауэра Р. Пэйпом, который делит санкции на прямые и косвенные⁴⁵. Первые предполагают меры экономического давления на правительство государства-объекта санкций с целью создания таких условий, когда государству будет куда более выгодно согласиться на уступки, чем нести существенный экономический убыток и снижение ключевых экономических показателей. Во втором случае объектом санкций является непосредственно население государства, а целью — усиление давления на частных лиц с тем, чтобы их протестные настроения в итоге привели к смене политического или экономического курса. Р. Пэйп, в отличие от Г. Хафбауэра, отмечает, что ключевым признаком любых санкций является наличие ясной политической цели, которая и определит в итоге характер вводимых санкций и степень их эффективности.

Как отмечает Г. Хафбауэр, с точки зрения экономического анализа «санкции создают такие условия, при которых экономический ущерб, а также экономические последствия (например, упущенная выгода) введенных ограничений для государства-адресата, его населения и политической системы делают невыгодным сохранение старого политического курса и заставляют целевое государство идти на уступки требованиям государства-инициатора. Ведущие экономики могут позволить себе применение санкций в силу своего веса в международной политике и на мировом рынке, другие — нет. Размер и вес дают государству-инициатору запас прочности, позволяющий относительно безболезненно нести экономические издержки санкций и нивелировать потенциальные контрмеры международного сообщества и целевого государства»⁴⁶.

Отличительной особенностью санкций является то обстоятельство, что они имеют двусторонний характер, то есть влияют непосредственно как на государство-объект санкций, так и косвенно на государство-инициатора санкций, поскольку влекут дополнительные издержки для экономики. Среди основных негативных последствий антироссийских санкций можно отметить следующие. Во-первых, закрытие доступа к источникам финансирования: большая часть российских коммерческих банков лишилась возможности занимать деньги на международных рынках капитала по низким процентным ставкам. Во-вторых, падение цен на нефть и, как следствие, снижение котировок национальной валюты. В-третьих, увеличение расходной части российского бюджета для поддержки ключевых отраслей экономики, попавших под секторальные санкции, а также снижение котировок на фондовом рынке. В-четвертых, инфляция и снижение покупательской способности населения.

Вместе с тем последствием применения санкционных режимов не всегда является полное нивелирование каких-либо имущественных отношений между частными лицами (финансовые сделки, запрет инвестирования, невозможность исполнения трансграничных контрактов), зачастую эффект санкционного воздействия в юридической плоскости заключается в существенном деформировании ряда юридических институтов. Полагаем, что безусловным положительным аспектом применения санкций в отношении международных акторов является стимулирование развития национального законодательства с целью адекватной защиты физических и юридических лиц.

Таким образом с политико-правовой и экономической точек зрения при выборе политики реагирования на кризисные ситуации санкции представляют собой один из наиболее популярных инструментов «умной силы» и являются эффективной и более дешевой альтернативой жесткому военному вмешательству. Вместе с тем легальными можно назвать только те экономические меры, которые основаны на ст. 41 Устава ООН. При этом международным сообществом отмечается желательность максимальной симметрии санкций, чтобы избежать негативных последствий для гражданского населения.

Автор полагает, что для целей применения санкций основным критерием их легальности и эффективности должны являться их соответствие (или несоответствие) принципу невмешательства, а также, как справедливо указывал И. Джазири, гарантиям защиты прав и свобод человека. Иными словами, санкционное давление допустимо до тех пор, пока оно не угрожает интересам частных лиц и не посягает на государственный суверенитет. Терминологическая путаница, а также тенденция увеличения практики применения односторонних санкций подчеркивают острую необходимость разработки международных механизмов и документов, четко регламентирующих характер и степень

⁴⁴ Hufbauer G., Schott J., Elliott K., Oegg B. *Economic Sanctions Reconsidered*. Washington D. C.: Peterson Institute for International Economics, 2009. P. 21.

⁴⁵ Pape R. *Why Economic Sanctions Do Not Work?* *International Security*, 1997. Vol. 22. No. 2. Pp. 101–106.

⁴⁶ Hufbauer G., Schott J., Elliott K., Oegg B. *Op. cit.*

одностороннего санкционного воздействия на международных акторов, которые, в первую очередь, должны основываться на соблюдении прав и интересов частных лиц.

Литература

1. *Бахин С. В., Еременко И. Ю.* Односторонние экономические «санкции» и международное право. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. *Богуславский М. М.* Международное экономическое право. М.: Международные отношения, 1986. 303 с.
3. *Василенко В. А.* Международно-правовые санкции. Киев: Вища школа, 1982. 229 с.
4. *Гроций Г.* О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
5. *Дораев М. Г.* Экономические санкции в праве США, Европейского союза и России. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 216 с.
6. *Еремина А. Е.* Экономические санкции: понятие, типология, особенности. Постсоветский материк, 2019. № 4. С. 78–92.
7. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве: Сб. переводов. М.: ИНИОН РАН, 1988. 213 с.
8. *Кешнер М. В.* Экономические санкции в современном международном праве: монография. М.: Проспект, 2015. 181 с.
9. *Лукашук И. И.* Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. 432 с.
10. *Менжинский В. И.* Проблема международной ответственности (в свете советской концепции международного права): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951. 16 с.
11. *Мингазов Л. Х.* Эффективность норм международного права: теоретические проблемы: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Казань, 2000. 41 с.
12. *Най Дж.* «Мягкая сила» и американско-европейские отношения. Свободная мысль. XXI, 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://smartpowerjournal.ru/soft-power/> (дата обращения: 10.05.2023).
13. *Тункин Г. И.* Теория международного права. Под общ. ред.: Л. Н. Шестакова М., 2000. 416 с.
14. *Фукуяма Ф.* Конец истории? Вопросы философии, 1990. № 3. С. 84–118.
15. *Шахназаров Б. А.* Санкционное право: понятие, предмет, метод, нормативный состав. Актуальные проблемы российского права, 2022. № 7. С. 143–149.
16. *Шумилов В. М.* Международное экономическое право: учебно-методическое пособие. М.: Дека, 1999. 400 с.
17. *Baldwin D. A.* Prologamena to Thinking about Economic Sanctions and Free Trade. Chicago Journal of International Law, 2003. Vol. 4. No. 2. Pp. 271–281.
18. *Biersteker T.* Thinking about United Nations Targeted Sanctions / Biersteker T., Eckert S., Tourinho M.(eds.). Targeted Sanctions: The Impacts and Effectiveness of United Nations Action. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 422 p.
19. *Brzoska M.* International Sanctions Before and Beyond UN Sanctions. International Affairs, 2015. Vol. 91. No. 6. P. 1339–1349.
20. *Doxey M.* Economic Sanctions and International Enforcement / Doxey M. Macmillan Press, 1980. 161 p.
21. *Galtung J.* On the Effects of International Economic Sanctions. World Politics. 1967. Vol. 19. No. 3. Pp. 378–416.
22. *Hufbauer G., Schott J., Elliott K. [et al.]* Economic Sanctions Reconsidered. Washington D. C.: Peterson Institute for International Economics. 2009. 248 p.
23. *Kunz J. L.* Sanctions in international law. The American journal of international law. 1960. Vol. 54. No. 2. Pp. 324–347.
24. *McDougal M. S., Feliciano F. P.* International Coercion and World Public Order. Yale Law Journal. 1958. Vol. 67. No. 5. Pp. 771–845.
25. *Maxeiner J. R.* Some realism about legal certainty in globalization of the rule of law. Houston Journal of International Law, 2008. Vol. 31. No. 1. Pp. 27–46.
26. *Pape R.* Why Economic Sanctions Do Not Work? International Security, 1997. Vol. 22. No. 2. Pp. 90–136.
27. *Szabados T.* Economic Sanctions in EU Private International Law. Oxford: Hart Publishing, 2019. 280 p.
28. *Tladi D.* An Assessment of the Fundamental Principles of International Law. J. E. Vinuales (ed) The UN Friendly Relations Declaration at 50. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. Pp. 87–104.

References

1. Bakhin, S. V., Eremenko, I. Yu. Unilateral Economic "Sanctions" and International Law [Odnostoronnie ekonomicheskie «sankczii» i mezhdunarodnoe pravo]. SPS ConsultantPlus. (In Rus.)
2. Boguslavsky, M. M. International Economic Law [Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo]. M.: International relations, 1986. 303 p. (In Rus.)
3. Vasilenko, V. A. International Legal Sanctions [Mezhdunarodno-pravovye sankczii]. Kyiv: Vishcha shkola, 1982. 229 p. (In Rus.)
4. Grotzky, G. On the Right of War and Peace [O prave vojny i mira]. M.: Ladomir, 1994. 868 p. (In Rus.)

5. Doraev, M. G. Economic Sanctions in the Law of the USA, the European Union and Russia [Ekonomicheskie sankczii v prave ShA, Evropejskogo soyuza i Rossii]. M.: Infotropic Media, 2016. 216 p. (In Rus.)
6. Eremina, A. E. Economic Sanctions: Concept, Typology, Features [Ekonomicheskie sankczii: ponyatie, tipologiya, osobennosti]. Post-Soviet Continent [Postsovetskij materik], 2019. No. 4. Pp. 78–92. (In Rus.)
7. Kelzen, G. Pure Doctrine of Law: Collection of translations [Chistoe uchenie o prave: Sb. perevodov]. M.: INION RAN, 1988. 213 p. (In Rus.)
8. Keshner, M. V. Economic sanctions in modern international law: monograph [Ekonomicheskie sankczii v sovremennom mezhdunarodnom prave: monografiya]. M.: Prospekt, 2014. 181 p. (In Rus.)
9. Lukashuk, I. I. The right of international responsibility [Pravo mezhdunarodnoj otvetstvennosti]. M.: Volters Kluver, 2004. 432 p. (In Rus.)
10. Menzhinsky, V. I. The problem of international responsibility (in the light of the Soviet concept of international law): author. dis. ... cand. legal sciences [Problema mezhdunarodnoj otvetstvennosti (v svete sovetskoj koncepczii mezhdunarodnogo prava): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk]. M., 1951. 16 p. (In Rus.)
11. Mingazov, L. H. Efficiency of norms of international law. Theoretical problems: author. dis. ... doc. legal Sciences [Effektivnost norm mezhdunarodnogo prava. Teoreticheskie problem: avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk]. Kazan, 2000. 41 p. (In Rus.)
12. Nye, J. Soft power and American-European relations [Myagkaya sila i amerikano-evropejskie otnosheniya]. Free thought [Svobodnaya mysl]. XXI, 2004. [Electronic resource]. URL: <http://smartpowerjournal.ru/soft-power/> (date of access: 10.05.2023). (In Rus.)
13. Tunkin, G. I. Theory of international law [Teoriya mezhdunarodnogo prava]. Under total Ed.: L. N. Shestakova [Pod obshh. red.: Shestakova L. N.]. M., 2000. 416 p. (In Rus.)
14. Fukuyama, F. The End of History? [Konecz istorii?] Questions of Philosophy [Voprosy filosofii], 1990. No. 3. Pp. 84–118. (In Rus.)
15. Shakhnazarov, B. A. Sanction Law: Concept, Subject, Method, Normative Composition [Sankcionnoe pravo: ponyatie, predmet, metod, normativny sostav]. Actual Problems of Russian Law [Aktualnye problemy rossijskogo prava], 2022. No. 7. Pp. 143–149. (In Rus.)
16. Shumilov, V. M. International Economic Law [Mezhdunarodnoe e'konomicheskoe parvo] (Educational manual [(Uchebno-metodicheskoe posobie)]. M.: DeKA, 1999. 400 p. (In Rus.)
17. Baldwin, D. A. Prologomena to Thinking about Economic Sanctions and Free Trade. Chicago Journal of International Law, 2003. Vol. 4. No. 2. Pp. 271–281.
18. Biersteker, T. Thinking about United Nations Targeted Sanctions / Biersteker T., Eckert S., Tourinho M. (eds.). Targeted Sanctions: The Impacts and Effectiveness of United Nations Action. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 422 p.
19. Brzoska, M. International Sanctions Before and Beyond UN Sanctions. International Affairs, 2015. Vol. 91. No. 6. Pp. 1339–1349.
20. Doxey, M. Economic Sanctions and International Enforcement. N. Y.: Macmillan Press, 1980. 161 p.
21. Galtung, J. On the Effects of International Economic Sanctions. World Politics. 1967. Vol. 19. No. 3. Pp. 378–416.
22. Hufbauer, G., Schott, J., Elliott, K. [et al.]. Economic Sanctions Reconsidered. Washington D.C.: Peterson Institute for International Economics. 2009. 248 p.
23. Kunz, J. L. Sanctions in international law. The American journal of international law. 1960. Vol. 54. No. 2. Pp. 324–347.
24. McDougal, M. S., Feliciano, F. P. International Coercion and World Public Order. Yale Law Journal. 1958. Vol. 67. No. 5. Pp. 771–845.
25. Maxeiner, J. R. Some realism about legal certainty in globalization of the rule of law. Houston Journal of International Law, 2008. Vol. 31. No. 1. P. 27–46.
26. Pape, R. Why Economic Sanctions Do Not Work? International Security, 1997. Vol. 22. No. 2. Pp. 90–136.
27. Szabados, T. Economic Sanctions in EU Private International Law. Oxford: Hart Publishing, 2019. 280 p.
28. Tladi, D. An Assessment of the Fundamental Principles of International Law. J. E. Vinuales (ed). The UN Friendly Relations Declaration at 50. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. Pp. 87–104.